

JOHN M. FORD

The dragon
Waiting

NEW YORK

ДЖОН М. ФОРД

Закон
- не -
Грешит

fanzon

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф79

John M. Ford
THE DRAGON WAITING

Copyright © 2020 by John M. Ford
Published by arrangement with Tom Doherty Associates.
All rights reserved.

Cover © 2021 by Stephan Martinieri. All Rights Reserved.

Иллюстрация на переплете *Стефана Мартинье*

Оформление *Елены Куликовой*

Форд, Джон М.

Ф79 Дракон не дремлет / Джон М. Форд ; [перевод с английского Е. М. Доброхотова-Майкова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Fantasy World. Лучшее современное фэнтези).

ISBN 978-5-04-154202-3

Война Алой и Белой розы возводит на английский трон Эдуарда IV. Блистает двор Лоренцо Медичи Великолепного. В Милане строит заговоры герцог Галеаццо Мария Сфорца. Но всё это — альтернативный мир без доминирования христианства и ислама, в котором средневековой Европе угрожает Византийская империя. Сфорца, герцог-вампир, собирает свои силы для давно запланированного нападения на Флоренцию, но и Византия не дремлет. Изгнанный наследник престола, ставший наемником, молодая женщина-врач, вынужденная бежать из Флоренции, и валлийский волшебник на первый взгляд не имеют общих целей, но вместе они плетут заговор против могущества Византии, стремясь передать английский трон Ричарду, герцогу Глостеру, и сделать его королем Ричардом III.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-154202-3

Предисловие

I. CORAX¹

Начинаем с фокуса: Джон М. (Майк) Форд, двигая бровями, раскладывает Византии на столе и указывает на них жестом иллюзиониста.

— Итак, дамы и господа, а теперь будьте очень внимательны. Следите, где настоящий Константинополь, — говорит он, тасуя Царьграды. У бровей Майка есть два выражения, полу-Гэндальфовское и полностью Гэндальфовское, и они переключаются, как железнодорожные стрелки, куда он раскладывает города перед вами (или передо мной; давайте считать, что «вы» в данном случае означает любое существо во вселенной, которое не было и никогда не будет Майком Фордом). За его пальцами не уследишь, но разыгрывают они действие или отвлекают?

Один за другим появляются Византии, жемчужины мира, Города с большой буквы.

Византий, где и впрямь существуют вампиры и колдуны. Византий, где христианство уничтожили и закрепился религиозный плюрализм Юлиана, где распространились и сохранились мистические культы вроде митраизма. Византий, где ислам не возник и не стал угрозой с Востока. Византий, где Франция не стала Францией, а Галлия разделена между Империей на востоке и Англией на западе. Византий, где Рим пал, но Империя простояла еще по меньшей мере тысячу лет. Как минимум пять Византиев, и это не предел.

¹ Ворон (лат.) (Здесь и далее — примечания переводчика.)

Тут Майк делает что-то пальцами, а может быть, бровями, и на столе остается лишь один Византий.

— Черт, — говорите вы. — Вот так фокус! Все эти города сложились в один.

— Города? — спрашивает он.

Вы смотрите на стол. Византий исчез. На его месте несколько машинописных абзацев, рукописные заметки, тонкие полоски текста, рассыпанные на обшарпанном столе.

— Так вот что это было? — шепчете вы. — Создать иллюзию Города, стольких Городов, из таких простейших материалов. Просто невероятный фокус!

— Ой. Я это проделал? — Брови Майка опускаются, как навесы над витриной. Он мягко стучит вас пальцем по виску и с улыбкой отворачивается. — Ну и воображение у тебя, малыш.

II. NYMPHUS¹

Если существует альбом *Velvet Underground*² фантастических романов 1980-х годов, то вы держите его в руках. «Дракон не дремлет», впервые напечатанный в 1983-м, тут же стал культовым артефактом, книгой, вызывающей восторг, изумление и священный ужас. Надеюсь, по меньшей мере одно из этих чувств охватит вас при ее чтении. Вообще-то я надеюсь, что вас охватят они все и останутся с вами навсегда, как остались с теми, кто уже спустился в эту пещеру, ощутил кольцо огня и выучил одно-два секретных рукопожатия. Не поймите меня превратно; я не говорю, что роман вам всенепременно понравится. Ни одно литературное творение в истории не дает таких гарантий. Однако смело могу утверждать, что «Дракон не дремлет» — исключительная книга. Единственная в своем роде. Абсолютно, чертовски само-

¹ Жених (лат.)

² Velvet Underground (букв. «Бархатное подполье») — американская рок-группа, созданная в 1964 г.; ее менеджером был Энди Уорхолл. Хотя пластинки Velvet Underground продавались небольшими тиражами, группа оказала огромное влияние на развитие альтернативной и экспериментальной рок-музыки.

стоятельная, но при этом открыто заигрывающая с каждым традиционным фантастическим жанром, ни одному не дающая себя увлечь, однако каким-то образом сохраняющая со всеми превосходные отношения.

Это альтернативная история, обрамленная глубокими знаниями эпохи, усеянная выразительными деталями и глубокими аллюзиями. Это озорная романтизация прошлого, которая ухитряется не отрываться от почвы. Жестокость остается жесткостью, опасность — опасностью, в мире есть кровь, болезни и мрачуха, где положено. Это умственная игра в теннис, Легендариум Британии против римских мистерий, а Уильям Шекспир — линейный арбитр. Здесь есть интриги, убийцы, заговоры, встречи в тавернах — отборные мелодраматические штампы, любовно раскрашенные вручную и выставленные для услаждения наших глаз. Здесь есть вампир-артиллерист, который с каменным лицом произносит лучшие убойные шутки. Минуточку. Вампир-артиллерист... убойные... Сейчас январь 2020-го, и до меня только сейчас дошло. Понимал ли Майк, что делает, когда почти сорок лет назад вставил в книгу этот ассоциативный каламбур? Если кто и мог...

Концепций, ветвящихся замыслов и мощных «что, если бы» в «Драконе» хватило бы на пяток романов, но здесь они танцуют рядом, оставляя между собой место для божеств нескольких религий. Это еще одно умение Майка Форда: набить мир до отказа и в то же время оставить его таким дразняще недоисследованным.

Он блуждал где вздумается, движимый одной из самых дисциплинированных причуд (или причудливых дисциплин) в фантастике. Он не довольствовался тем, что в его книге будет смысл. Смыслы должны тесниться и не просто занять все доступное пространство, даже если это само по себе впечатляет; они должны катализировать, должны творить видимые и невидимые чудеса, создавать литературный эквивалент черенковского излучения.

Когда Майк разворачивает перед вами абзац, вы ощущаете незримое, далекое содрогание — что-то смещается в другой сюжетной линии. Двойной смысл — стандарт, тройной смысл —

разминка. Майк был поэт, и все им написанное поэтически спрессовано и служит несущей опорой для конструкции с непостижимым числом измерений.

III. MILES¹

Каким он был поэтом?

Давайте опишу еще один ловкий фокус.

Я жажду славы. А вы?

Вообразите, что мы поднимаемся к вершине Геликона по древней дороге, петляющей меж острых скал. Склон кишмя кишит литераторами. Все мы, поэты и прозаики, пришли сюда ради Музы или хотя бы намека на нее. Мы карабкались, мечтавая различить ее промельк за деревьями или увидеть ее след в дорожной пыли, увидеть хоть что-нибудь. Нас тут тысячи, и у каждого есть план, душщипательная история, сделка, которую мы рассчитываем заключить. Мы все хотим припасть к сладостному ключу Ипокрены. Все хотим, чтобы из наших пальцев били молнии и перетекали в клавиатуру, но на рынке Муз спрос многократно превышает предложение, и нам ничего не светит. Мы предлагаем надежды, грезы, время, деньги, страхи, здоровье, жизнь, душу. Беспользнык. Старый храм на вершине заперт на засов, табличка изящным шрифтом гласит: «Закрето».

Внезапно по долине раскатывается рев мотора, заглушая блянье овец внизу. Это Джон М. Форд на красном спортивном автомобильчике! У него даже верх открыт! Он мчит по разбитой дороге, ловко огибая торчащие камни, и плавно тормозит под сенью древнего храма. Дважды жмет на клаксон, выходит из машины и подбрасывает в воздух связку ключей.

— Мое предложение такое, — говорит он. — Я пушу тебя за руль. Можешь ехать, куда хочешь и сколько хочешь.

Подброшенные ключи не падают на землю. Их подхватывает изящная ладонь, которой не было тут мгновение назад.

¹ Воин (лат.)

Она — кто бы она ни была — проскальзывает за руль. Вновь слышно звяканье ключей. Мотор рокочет, как грозовая туча. Майк устроился на пассажирском месте, и вид у него донельзя довольный. Водительница передает ему лавровый посох, просит поддержать. Затем они в облаке пыли уносятся по древней дороге, а мы, деморализованные претенденты на Музу, только отпрыгиваем на обочину. Майк машет рукой.

«Ах ты, сукин сын», — бормочете вы, впрочем, без всякой злобы. На Майка невозможно сердиться всерьез. Он просто знал что сказать, и это умение будет с ним всегда, вне расписаний, блистательное, неугомонное и незаконное. Овцы снова блеют. Майк исчез вдаль. Это вполне может быть его портрет на титульном листе книги: он исчезает вдаль, а мы, оставшиеся позади, вопрошаем за кадром: «Как, черт возьми, ему это удалось?»

Таким поэтом был Майк Форд. Может быть, лучшим в своей стране и в свое время, и определенно понятия не имеющий, куда его занесет.

IV. LEO¹

Для того чтобы построить мир, мало соблюсти расстояния на карте, хотя Майк и это сделал с величайшим тщанием. Из такой скрупулезности и рождается красота «Дракона», его искромётное очарование, то, что можно назвать ощущением фактуры. Я уже упомянул, что в этом мире Юлиан (Мудрый) не был заколот копьем, после того как ринулся в бой без панциря, как Юлиан (Отступник) в нашем, и остановил распространение христианства, поддержанного его дядей Константином. Империя в «Драcone» — мешанина культов и теизмов, где закон не дает ни одной религии преимуществ. Удивительно, что роман, действие которого происходит через тысячу лет после этой кардинальной исторической развилки, создает тем не менее ощущение подлинного, знакомого Средневековья. Всё, от слов в устах персонажей до ценностей у них в голове, от суровых постоянных дворов Уэльса до фривольной атмосферы флорентийских пиров,

¹ Лев (лат.)

кажется настолько правильным, уместным и аутентичным этой языческой картине, что история перестает восприниматься как альтернативная.

Если вы и впрямь забудете, что Ричард III не ушел живым с Босвортского поля, не огорчайтесь. Вы не одиноки. В том-то и суть фокуса. Майк Форд с его пятью Византиями и быстрыми пальцами наперсточника. А иногда он выкладывает на стол еще и Медичи, Передиров и Вудвиллов. Вы не успеваете следить глазами за реальностью, потому что глаза тут ни при чем. Брови? Ну... Хм.

V. PERSES¹

Джон М. Форд умер внезапно и чересчур рано (это было бы чересчур рано в любом возрасте) в 2006-м, оставив юридически недействительное завещание, из-за которого его литературное наследие оказалось подвешенным. Казалось, надежды нет: почти ничего из написанного им нельзя будет переиздать до истечения срока авторских прав, то есть до трехсотлетнего юбилея Соединенных Штатов Америки. Но иногда луч света проникает во тьму. Иногда люди задают вопросы и начинают аккуратно распутывать узлы былых непониманий. Вы держите в руках плод их усилий — новехонькое издание сокровища, напечатанное с благословения родных Майка благодаря усилиям и преданности его друзей и читателей.

Я никогда не встречался с Майком лично (сожаления, по определению, приходят запоздало). Я жил в неведении и не понимал, что теряю. Позже счастливые обстоятельства жизни и карьеры свели меня со многими, кто любил Майка, и дали мне случай увидеть в их глазах его призрак. Знаю, не мое дело помещать на этих страницах новую эпитафию, но я снова злюсь, что потерял Майка раньше, чем успел с ним познакомиться, и очень хочу описать его как можно более правильными словами, как он того заслуживает. Каким был бы самый скромный подобающий монумент? Исполинский пылающий луч, бьющий с небес,

¹ Перс (*лат.*)

достаточно жаркий, чтобы испарить свинец? В силах ли я написать нечто подобное? Как мне создать что-то, сопоставимое с ним?

Допустим, я стою в чистом поле. Собираю все, что во мне есть, всю огневую мощь моего голоса. Я поднимаю увеличительное стекло, вызываю прозрачный язычок жара. Я подобен ребенку, который выставил два пальца и представляет, что это бластер. С тем же успехом я мог бы сказать: «Пиф-паф!»

И тут я поднимаю взгляд.

Вот оно! В полмили шириной, бьет оттуда, где синева встречается с чернотой, расплавленное золото в ореоле дрожащего жара. Колонна света. Наименьшее достойное напоминание вселенной, что ей случилось встряхнуть в стаканчике игральные кости и выбросить нечто настолько замечательное, как Майк Форд.

Не я зажег этот луч.

Разумеется. Разумеется. По другую сторону исполинского золотого столпа прохаживается Майк, что-то черкает на обороте старой дорожной карты. Он не нуждался в том, чтобы я писал ему пламенную эпитафию. Он каким-то образом заготовил ее заранее и оставил там, где, на его вкус, ей надлежало быть, и она стояла здесь, дожидаясь, когда ее заметят. Очень в духе Майка Форда.

— Майк! — ору я. — Привет! Вы меня не знаете, но иногда я стою перед зеркалом и пытаюсь себя убедить, что каким-то образом унаследовал два фрагмента ваших бровей. Как вы угадали, что мне именно в этом абзаце нужен пылающий золотой луч, соединивший небо и землю?

— А, это? — Майк смотрит на огненное зарево и продelvesывает свой фокус бровями. (Ну, у меня есть две смешные бровки, карандашные черкушки рассеянного художника, но брови Майка в сравнении с бровями обычного смертного — все равно что Рука Кирби в сравнении с заурядным человеческим кулаком.) — Если честно, я понятия не имею, зачем это сюда поместил. Может, когда-нибудь вспомню.

— Что? Погодите. Вы меня подкалываете? Это ваше всегдашнее дважды обманное опровержение из серии «догадайся сам»? Мне? Когда я пишу о вас?

— Интересные вопросы, верно? — Майк улыбается и, хочется верить, не только потому, что я о нем пишу. — У меня сейчас мысли заняты другим. Я тут дописываю одну безделицу. «Еще пятьдесят оригинальных способов применить лавровый посох в домашнем быту». Дошел пока до сорок седьмого. Когда закончу, может быть, напишу вам постскрипtum.

— Или, — говорю я, — сейчас вы постучите меня по голове и скажете: «Ну у тебя и воображение», намекая, что я извлек из ваших авторских ремарок великие невозможности... вроде этого огненного столпа.

— Сдается, вы загнали себя в ситуацию «из огня да в полымя». И вообще, что за огненный столп?

Майк небрежно взмахивает рукой. Исполинский луч золотого пламени погас, погас некоторое время назад. На его месте — записка, накорябанная на оторванном уголке старой дорожной карты. Она гласит:

[Некоторые слова] и [что вы в них вчитаете]

Он уже исчез вдаль.

Как, черт возьми, ему это удалось?

VI. HELIODROMUS¹

Наверное, честность требует сказать, что сейчас, в двадцатых годах двадцать первого столетия, есть некоторые черты массовой фантастики, которых читатель привык ожидать, и тем, кто воспитан на такого рода чтении, «Дракон» может показаться трудным. Он не ставит себе целью дать однозначные ответы. Собственно, в системе романа нельзя даже сказать, что такие ответы существуют. Есть некая почти детерминистская разновидность крепко сбитого повествования, в которой все правила игры подробно изложены, каждая способность четко определена, каждый исход ясно обозначен, каждый вопрос понятно разъясняется, прежде чем читатель дойдет до последней страницы. Это, должен сказать, прямая противоположность корпусу текстов, известному как «все, что написал Майк Форд». Не ищите

¹ Солнечный вестник (лат.)

здесь предложений и абзацев, сколоченных без единой щелочки. В произведениях Майка полно дыр самого замечательного свойства. Что пробивается в щелочки суперструктуры? Свет, друзья мои.

Как сам Форд сказал в 2002 году в интервью Фреду Бушу и Мэри Энн Моханрадж: «На мой взгляд, в идеале надо показывать события, и пусть читатель сам решит, что они значат. Иногда читатель увидит не то, что задумал автор; это, безусловно, верно по отношению к попыткам эмпирически расшифровать реальность».

Отсюда не следует, что «Дракон» сложен для восприятия. Ничего подобного. Я бы сказал, что это приятное чтение и что книгу отличает исключительно стройный слог. Есть замечательные исторические романы, созданные, судя по всему, исходя из теории, что если бросить читателя в воду и придавить сотнями тонн свинца, это поможет ему быстрее отрастить жабры. На память приходит цикл Патрика О'Брайана про Обри и Мэтьюрина и «Хроники Лаймонда» Дороти Даннет. Я с удовольствием прочел оба цикла, но должен сказать, поначалу через них продираться нелегко. Майк не менее сведущ в тонких материях, но играет с ними в другие игры.

Не многие авторы могут соперничать с Фордом в отточенности технологии. Он выстраивает сюжет как фокусник или импресарио, но фразы оперирует, как хирург. Его нежелание разбавлять текст объяснениями придает книге поразительную информационную плотность; вновь и вновь вы видите короткие предложения или емкие описания, выполняющие работу незримых страниц. В мастерски созданной атмосфере такая метода будит воображение. И стремительное действие, и неспешные разговоры Форд писал с той элегантной экономией движений, какую являют лишь вымышленные мастера боевых искусств, которые устраняют любую угрозу одним точным поворотом запястья или молниеносным тычком мизинца. Смакуйте его слог, перекачивайте в голове фразы, выискивайте умолчания, которые зачастую так же восхитительны, как все сказанное и написанное.

Держитесь, даже если почувствуете, что запутались, не отступайте, ради всего прекрасного, ибо мало романов, так вознаграждающих читателя за упорство.

VII. PATER¹

Итак. Последний фокус. Мистерии пройдены. Ворон, жених, воин, солдат, лев, перс, солнечный вестник, отец. Ты получил откровения, обещания и предостережения, висел во тьме, окруженный кольцом ветра и огня. Не обращай внимания на чрезвычайно подвижные брови человека, управляющего машиной, которая производит ветер и огонь. Это часть спектакля. За время ожидания я нашептал тебе на ухо больше, чем следовало. Теперь «Дракон» расскажет о себе меньше, чем хотелось бы, потому что в этом мире есть дыры, дыры самого великолепного свойства, которые Майк устроил своими руками, чтобы в них сочились загадки. Боюсь, я не могу сказать, какой из Византиев в колоде самый реальный, поскольку теперь ты должен самостоятельно различить шестой Византий, седьмой Византий, восьмой, девятый и так далее до бесконечности. Чем больше читаешь между строк, тем больше появляется строк, между которыми можно читать. Это главная неожиданность восшествия к отцу — ты оказываешься больше, чем думал.

— Что ж, — говорит Майк, кланяясь из тени, — нельзя отправлять мистический культ, не разбив нескольких яиц.

Кыш. Лети отсюда, собрат-ворон. Покинь пещеру. Инициация окончена.

Перед тобой нечто величественное, гулкое, достойное каждого удара сердца, которое уйдет на его прочтение. Оно было заперто от мира, недоступно на какое-то время, но вот оно снова.

Вперед, читай. Я тебе завидую. А когда все останется позади, когда сущности по необходимости умножатся, когда все страницы будут перевернуты, однако танец возможностей не прекратится, можно будет сказать, что ты видел все. Ты будешь знать меньше, чем раньше, и упиваться этим чувством.

¹ Отец (лат.)

Подобно мне, ты сможешь сказать лишь:
У меня столько вопросов.
Как, черт возьми, ему это удалось?

*Скотт Линч,
Массачусетс, январь 2020*

Империя существовала в предустановленном порядке; вокруг трона в духовной области ясного света вершились небесные деяния, здесь проходили чередой префекты, логофеты, нунции...

Они обитали в Византии...

Однако в сознании Империи жила и другая легенда, помимо легенды о святом Граале.

— Чарльз Уильямс,
«Область летних звезд»